

Вернувшись в постель после того, как Шартэ уснула, я проснулся через час.

Лёжа на кровати, я смотрю на мой письменный стол, и вижу розовый блокнот Айзавы. Я заглянул туда, прежде чем лёг спать — там было записано около 20 стратегических планов по предотвращению расформирования клуба. Кроме того, там было много милых рисунков цветными ручками.

Когда я пребывал в депрессии, я видел, что Айзава что-то там себе писала в этом блокноте в клубе. Но здесь так много всего, что наверняка она записывала эти планы и дома.

— Фух...

«Выйти и говорить перед всеми учениками — страшно. Подчиниться Синономэ — страшно. Но я хочу помочь Айзаве... Ах, разумеется, у меня нет другого выбора, кроме как противостоять Синономэ?

Но вряд ли я смогу сравниться с ней. Хитрая Синономэ раза в два более искусна в переговорах, чем я.

Дело в том, что раз Синономэ хочет заполучить меня любым способом, она, должно быть, использовала какого-то парня, который сделает всё, что она говорит, чтобы тот следовал за Айзавой и сфотографировал её в решающий момент. Несомненно, когда мы помогали сестричке Тэн, я уверен, что чужой взгляд, который я чувствовал тогда, принадлежал этому же парню. Она поняла мою слабость, что Айзава была незаменимым членом клуба и, наконец, стала угрожать мне... Её дружба с Айзавой — должно быть, актёрская игра, чтобы подобраться ближе ко мне».

Я размышляю о том, как помочь Айзаве, хотя ещё толком не проснулся. Но ничего хорошего не приходит на ум.

Я думаю, что успокоюсь, когда выпью горячего молока, и собираюсь встать, но...

— А, что? Моё тело не может сдвинуться...

Должно быть, потому, что я с головой ушёл в мысли, я до сих пор не ощущал, что у меня что-то на животе.

Я тихо отгибаю футон.

— А-а, Бра-а-тик ♪

А затем так же тихо возвращаю его обратно.

Я думаю, что это, разумеется, мне привиделось, потому, что я ещё не до конца проснулся, я протираю глаза и снова отгибаю футон.

(«Нюх-нюх».)

— А-а, конечно же, всего лишь вдыхать запах братика недостаточно ♪

Красивая девушка с серебристыми волосами трётся щекой о мою грудь.

Она обычно безэмоциональна, как лёд, но сейчас счастливо закрывает глаза, а над ней как будто появляются сердечка.

— Эй, Шартэ, что ты делаешь?

— Ах...

Затем моя сестра, наконец, замечает меня, и медленно садится. Её лицо мгновенно принимает обычное выражение, а её глаза становятся пустыми и безжизненными.

— Братик, пожалуйста, не делай такое смущённое лицо просто потому, что твоя сестричка пришла к тебе ночью.

— Пришла ночью и дерзит мне здесь — что за девушка?!

Через несколько минут я и Шартэ лежали бок о бок на одной кровати. Мы привыкли спать вместе, с тех пор, как были маленькими, поэтому не чувствовали стеснения или неудобств, напротив, это было приятно.

Затем Шартэ нарушает тишину и спрашивает спокойным тоном:

— Братик, в последнее время ты упал духом, что-то случилось?

— У-у... как и ожидалось, ты это заметила, не так ли?

— Конечно. Я же всегда рядом с братиком, ведь так? Я знаю, что братик последнее время воздерживался от эроге и тому подобного, то есть ты возбуждён как никогда и думаешь о том, чтобы наброситься на какую-то девушку... Братик, как насчёт того, чтобы я тебе с этим помогла?

— Как всё пришло к этому?!

«Я имею в виду, когда меня здесь не было, она проверила мою комнату? Хотя она моя милая сестра, с некоторой точки зрения её можно считать той ещё стервой».

— Братик, я не против, если будешь считать меня любовницей. Следовательно...

— Эй, слушай, больше не говори об этом... ха-а.

— ...Как и ожидалось, случилось то, что заставило тебя заволноваться, не так ли?

Я не люблю показывать сестре свои слабые стороны. Но сейчас я хотел бы поговорить с кем-то.

— Честно говоря... завтра, одна девушка будет исключена из школы... Чтобы предотвратить это, я должен выступить перед всеми учениками школы.

— ...

— ...Э, Шартэ?

Моё лицо зарывается в её грудь, когда она меня крепко-крепко обнимает. Тепло от её маленького стройного тела передаётся через тонкую рубашку, а приятный запах её шампуня заставляет моё сердце биться быстрее.

— Братик, пожалуйста, не жертвуй собой ради кого-то ещё. — Говорит она привычным безучастным голосом. Но я чувствую в нём нотки печали.

— В начальной школе братик пожертвовал собой, чтобы защитить меня. Но в результате страдал в течение оставшихся трёх лет... Я знаю, что именно тогда братик начал бояться выделяться из толпы...

Это случилось тогда, когда Шартэ была во втором классе начальной школы, а я — в третьем.

Однажды я был ошеломлён, увидев Шартэ, когда она вернулась домой. Её красивые серебристые волосы были срезаны то здесь, то там ножницами или чем-то ещё, её лицо было грязным, а на одежде и ранце имелись оскорбляющие надписи цветными мелками. Согласно рассказу Шартэ, девочка-лидер класса сказала, что та всё время молчит, как кукла — и это отвратительно, и весь класс начал ругать её. Более того, Шартэ много раз сильно хлопали по щеке, отчего та сторона лица стала очень красной и опухшей.

Из-за шока от потери её семьи Шартэ замкнулась в себе и перестала показывать эмоции. Поэтому, хотя она не плакала, едва заметное дрожание тела Шартэ говорило само за себя. Мой важнейший член семьи, что был рядом со мной и восполнял постоянное отсутствие родителей, был ранен. Я был зол до такой степени, что моя кровь кипела.

На следующий день они решили снова поиздеваться над ней, но я их опередил, и когда все ученики собрались в спортзале, чтобы услышать одну лекцию, я поднялся на сцену и осудил девушку, которая была зачинщицей издевательств над Шартэ, и та, плача, извинилась.

Но на этом всё не закончилось. Девушка, что издевалась над Шартэ, была маленькой сестрой красивой популярной девочки в моём классе с именем Окада. Я тоже был популярен в нашем классе, и изначально не воспринял всерьёз болтливую Окаду, но она постепенно убедила всех в классе, что я оклеветал её сестру.

Вначале я смог вынести это. Но ситуация позже ухудшилась.

Несмотря на то, что я был третьеклассником, я нагло вышел на сцену и самоуверенно начал вещать с неё, что не понравилось старшеклассникам. В коридоре, куда я вышел во время перемены, всё началось с щелчков языком, затем меня пнули и ударили.

Став изгоем в классе, мне было не с кем и поговорить, и я постепенно потерял свою прошлую уверенность, Окада, сыгравшая ключевую роль в этом, оказалась такой же, как и её сестра. Травма осталась даже когда я перешёл в другой класс, потому как те 3 года были для меня адом.

— ...Я знаю, что братик добрый. Но братик уже достаточно... — Говорит она привычным безучастным голосом. Но её тело едва заметно дрожит, как в тот день.

«Я так никчёмна, раз заставляю сестру за меня так переживать...»

— Братик, если будет невыносимо, ты можешь убежать, помнишь? Я всегда буду на твоей стороне, братик.

— Да... спасибо, Шартэ. Я не буду брать на себя так уж много.

Моё мужество растёт после её слов. И я ласково глажу голову Шартэ.

Вскоре Шартэ, похоже, считает, что я уже уснул, и тихо шепчет мне с нотками радости и грусти одновременно:

— Но братик, ты ведь всегда так делаешь, не так ли?

После этого она обнимает меня немного сильнее обычного.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/9797/214343>